

Глава 1

Я надела полушубок, шапку, открыла попой дверь и выкатила из спальни чемоданы. Протянув их по коридору, остановилась на пороге гостиной и обратилась к родителям:

— Ну все, мама, папа, не поминайте лихом, свершилось! Я ухожу из дома! Провожать меня не надо, отговаривать тоже. Можно в окно махнуть белым платком для благословения, и потопала я в новую жизнь!

Время для ухода из родительского дома я, конечно, выбрала не самое удачное. Часы на стене показывали десять часов вечера, за окном шел снег, а по телевизору транслировали важный для всей страны хоккейный матч. Но когда решение принято, выбирать не приходится — либо я решусь сегодня, либо никогда. Потому как бывают в жизни каждого человека такие моменты, когда остается положиться на звезды. А звезды в этот предновогодний день захотели, чтобы я наконец-то осознала очевидное — странница моих пятилетних отношений с Жориком перевернута навсегда!

Папа, приняв позу штангиста перед ответственным жимом, то и дело отрывал от дивана опорную точку и следил за игрой хоккеистов, а мама читала любовный роман. И судя по тому, как покраснел кончик ее носа, на который уже успели сползти очки, — любовь

в романе была жуть до чего любовная. Страшной силы настоящая! А не то, что у меня!

Вон, на обложке дикарь благородный скачет на коне. И конечно же, с оголенным торсом и развевающейся гривой волос — похлеще, чем у его скакуна! Да на такую гриву полкошелька средств извести надо! Без регулярного посещения парикмахера и диетолога не обойтись, а ему хоть бы хны — скачет себе по прерии, ни разу не в пыли. И я уже молчу про скульптурный торс и депиляцию. Эх, вот только в книгах такие и бывают!

Мама перевернула страницу и мечтательно улыбнулась — ну еще бы! Папа поскреб лысину и привстал. Снова сел. Нецензурно чертыхнулся. Только Лайза — немецкая овчарка и домашняя любимица — подняла голову и удивленно повернула морду в мою сторону — мол, ты чего бузишь, Наташка?

Вот так всегда. Ну почему собаки гораздо лучше чувствуют людей?

Я кашлянула и солидно погремела чемоданом.

— Эй, родители! — окликнула не без обиды. — Я вообще-то от вас ухожу! А вы сидите себе, как будто так и надо!

— А что, не надо? — откликнулся папа — он у меня еще тот шутник. — Давай, доча, в добрый путь! — махнул рукой, продолжая следить за хоккеистами, как кот за расшалившимися мышами. — Как уйдешь, так и придешь! Мы тебе всегда рады! Только пивка на обратном пути захвати, — папа с опаской покосился на маму и осторожно мне подмигнул, — безалкогольного!

Вообще-то уходила я из дома не первый раз, но вот чтобы так серьезно — никогда!

— Наташа, чего случилось-то? — мама наконец-то отложила книгу в сторону и поправила на носу очки. — На работе что стряслось? Или вновь со своим стоматологом решила сойтись? Ты же Георгия бро-

сила? — нахмурила она лоб. — Или уже нет? Что-то я с вами совсем запуталась!

Мама Жорика не любила. Нет, не так. Мама моего бывшего парня терпеть не могла! Но не любила она его не потому, что сама вредная, а потому что он пять лет голову ее дочери морочил, в большой любви клялся, с чемоданчиком в комнату въезжал и выезжал, а сделать предложение руки и сердца так и не собрался.

— Нет, мама, с Жорой мы расстались окончательно! — подтвердила решительно. — Слеза Крокодилова победила, будь она неладна! А еще, кажется, у него другая девушка есть.

Последнее предложение я произнесла тише, но мама все равно выпустила книгу из рук и изумленно ахнула. Дикарь на всем скаку шмякнулся носом об пол — так ему и надо!

— У кого другая?! — спросила она, открыв рот. От изумления у нее даже дыхания не хватило. — У этого хорька плешивого?

Папа тут же погладил лысину и возмутился, отреагировав по принципу «слышу звон, да не знаю, где он».

— Но-но, попрошу без оскорблений! Чего это я хорек?

— Да сиди ты, Феякин! — отмахнулась мама. — Не о тебе речь! Я о Георгии говорю!

— А-а, — с пониманием кивнул папа, возвращаясь к хоккею. — Если о Георгии, то правильно! — он вновь приподнял над диваном пятую точку, следя за шайбой, которая стремительно неслась к воротам соперников. — Гнать его надо в шею, я Наташке давно твержу! Вон наш Вовка, тот сразу на Ольге женился и детей настрогал, за нос не водил! А этот одно ноет — мама против, мама не перенесет... Тьфу! Да разве ж это мужик?! Сопля! Да будь на месте Наташки Володька, он бы давно этого горе-ухажера с лестницы спустил!

Ну вот, опять двадцать пять. Снова папа за свое.

Есть у меня старший брат Вовка — гордость семьи, работает на Севере. Вот он — идеальный сын и всему пример. И спортсмен, и учился хорошо, и университет окончил с красным дипломом инженера-энергетика, не то что я — выучилась в колледже на парикмахера и вполне себе счастлива.

Уже семь лет прошло со времени окончания школы, а папа только года два как успокоился. До этого все удивлялся: ну что, мол, Наташка, у тебя за профессия такая? Вот мать — старший экономист, он — опытный кинолог, а я так — не пойми кто. Нет, папа меня, конечно, уважает и очень любит, но считает, что все мои личные неудачи — от простоты жизненных запросов. Мол, слишком малым я довольствуюсь. И будь его дочь гордым инженером с амбициями, как брат, я бы мигом отправила Жорика на Луну!

Спорить с папой сложно. Во-первых, он настолько самостоятельный мужчина, что даже голову сам себе бреет еще со времени службы в армии — какие уж тут парикмахеры! А во-вторых, с ним даже кобели бойцовских пород не спорят — уважают.

Помню, было мне лет восемь, когда однажды папа привел в дом американского бандога Тима — не пес, машина! Мы с Вовкой три дня визжали от восторга. Сильный был пес, как танк, и с таким же норовом. С хозяином своим не ужился — тот его в клетке держал, воспитывал побоями и голодом. А с нами ничего, очеловечился. Мы его в семье и откормили, и отласкали. Стал такой песик славный — меня на санках катал, нос облизывал. Мы его Хрюней прозвали, потому что хрюкал смешно, когда ему брюхо чесали. Десять лет с нами прожил...

Но что-то я отвлеклась.

Так вот. Папу своего я люблю, и даже очень, но с его тезисом об успехе личности была в корне не согласна. Точнее, с ребром жесткости данного тезиса. Ко-

нечно, престижная профессия — это определенный статус в глазах общества, с этим трудно поспорить. Но разве именно наличие статуса делает нас счастливыми? Разве, кроме диплома солидного вуза, больше не за что себя уважать?

Ну уж нет. Для меня гораздо важнее настоящее призвание и свое место в жизни. Вот если тебе повезло и ты это место нашел — то будь ты хоть молекулярным биологом, хоть пятой скрипкой в оркестре, помощником пекаря или продавцом елочных игрушек — все решит внутренняя гармония, и точка!

То же самое и с человеком. Если есть он у тебя — любимый и единственный, для которого ты — дороже всего мира, так разве имеет значение, со статусом он или без? Шофер такси он или подающий большие надежды стоматолог?

Нет, конечно, есть девушки, для которых это суть важно, но это точно не про меня. Я ведь Жорика любила просто так.

Да, я не выучилась на экономиста, как мечтали родители, и не стала инженером, как брат, но зато я такой парикмахер, что народ ко мне за два месяца вперед в очередь записывается. В рабочую смену чаю выпить некогда! И работаю в лучшем салоне города, куда возьмут не каждого. По центру хожу, как королева, оттого что все здороваются — особенно возле мэрии. А как не здороваться, когда все известные и важные личности у нас обслуживаются?

И уж если на то пошло, так и зарабатываю не меньше брата. Два года деньги на машину копила, но ведь купила — «Дэу Матиз»! Да, не «Феррари», так ведь Вовке четыре тысячи условных на квартиру безвозмездно отвалила. А лично мне и моей машинки выше головы хватает!

— Пап, ну при чем тут Вовка и лестница? — опустила я плечи. — Я же до последнего думала, что у нас

с Жориком все серьезно. Что у нас семья будет, дети. Что он повзрослеет и поймет: мама, конечно, хорошо, но у него должна быть своя жизнь! Он ведь хороший и меня любит.

Папа фыркнул, мама вздохнула, а я тут же хмуро себя поправила, вспомнив телефонный разговор с несостоявшейся свекровью, из которого и узнала, что у бывшего появилась другая:

— Точнее, любил. Но теперь все! Надоело, хочу начать новую жизнь с чистого листа! Вот прямо сейчас и хочу! Вы правы, давно пора было разрубить этот гордиев узел и признаться, что ничего у нас не выйдет, пока жива Слеза Крокодиловна. Потому и ухожу. Завтра ветер переменится, Жорка снова будет торчать у подъезда, и я, как всегда, не выдержу. А я хочу выдержать, иначе мы так и будем двадцать лет мучить друг друга.

Шайба пролетела мимо ворот, тайм закончился, и родитель встал с дивана. Подтянул домашние штаны.

— Наташ...

— Постой, мать! — папа остановил маму, прижав к себе. — Все правильно наша дочь говорит! — кивнул одобрительно. — Только на этот раз, Наташка, уж если собралась, то так рубани, чтобы отсекло по-серьезному! — он сжал руку в кулак и потряс у лица. — А мы, если этого хорька тонконового увидим, так и скажем, что ты на Аляску уехала. И нечего нашей дочери голову морочить!

— Сerez, успокойся! Наташа с Георгием сами во всем разберутся, — деликатно заметила мама, чувствуя, что Феякин-старший зажигается.

— Да беспокоюсь я, Люд! Переживаю! Наташка слишком добрая у нас, вся в меня! Я ее, можно сказать, душой чувствую! Тонкими фибрами, не то что ты!

Ой. А вот это папа зря — у мамы тут же развернулись крылья. Точнее, руки уперлись в боки, и вся деликатность исчезла, уйдя на крутом развороте в пике.

— Что-о?! — она водрузила очки на макушку и хлопнула ресницами. Сдвинула над переносицей брови. — А ты думаешь, Феякин, я не чувствую? Я не переживаю?! Да у меня сердце больше твоего болит на все это смотреть! То сходятся они, то расходятся! То Жорка нашей Наташке супчики варит, глаз с нее не сводит, а то к маме бежит! То есть его ботинки в нашей прихожей, а то уже нет! Не для того я дочь двадцать пять лет воспитывала, чтобы эта мымра Изольда со своим сыном ей голову морочили! Не для того сижусь с тобой по полгода на даче, чтобы Наташка свою личную жизнь устроить могла! Ты думаешь, Сережка, у меня фибер нет?!

— Фибров, Люд.

— Да одна петрушка! Есть они у меня! И потоньше твоих!

— Мам, пап, вот не хватало еще и вам поссориться! — я подошла к родителям и чмокнула обоих в щеки. Вернувшись к порогу, поправила шапку и вновь взялась за чемодан. — Да не расстраивайтесь вы! Что будет, то будет, а я пошла!

— Куда? — задали вопрос родители в унисон, а Лайза еще и сверху подгавкнула.

Вот недогадливые.

— Искать свое счастье, конечно!

— Как всегда, к Машке? — смекнул папа, окликнув вдогонку.

Я на секунду остановилась и задумалась. Есть у меня закадычная подруга — Маша Малинкина. Чудочеловек, а не девушка. Мы с ней с детства не разлей вода. Как говорится, и в радости, и в трудности вместе. И детишек ее я обожаю, как своих собственных, но сегодня я уходила не к ней. Сегодня в жизни Машки светило солнце по имени Димка Гордеев, наш общий одноклассник, и я не собиралась Малине мешать.

По традиции мелодрам в этом месте, наверное, стоит пустить слезу. Все-таки у героини личная жизнь раз-

валилась. На дворе холод, она уходит в ночь, и можно легко представить, как хрустит под ее ногами лед, оставляя в городе, скованном крепким морозом, одну... А я вдруг оглянулась и улыбнулась.

Когда ты родился оптимистом, невозможно не верить в светлое завтра!

— Нет, пап, не к Машке. Представляете, я себе на целых три месяца квартиру сняла! Шикарную, с гостиной и спальней! С местом на стоянке и балконом в десять квадратных метров! Буду жить, как царица в тереме, на тринадцатом этаже! И главное, что в другом конце города!

— Три месяца? — ахнула мама и вернула на носочки. Переглянулась с папой. — А как же мы, Натюль? Как же мы-то без тебя так долго?

Это была дилемма. Но ведь я могла приезжать? И звонить? Куда бы я ни ушла, здесь всегда будет мой дом.

— Мам, ты меня двадцать пять лет воспитывала, поживите уже наконец-то для себя, ладно? А мне пора понять, смогу я быть одна или нет.

Дверь открылась, и я ушла.

Когда дети взрослые, их сложно остановить вопросами.

Глава 2

Мамы есть у всех — должны быть. Вот и у Георгия Либермана она была — крепкая, рослая женщина по имени Изольда Моисеевна, шестидесяти двух лет от роду. Цепкая, как паучиха, и такая же волевая, как сосланный на остров Наполеон. Ко всему прочему еще и жутко ревнивая.

Своего отца Жорик не помнил, но, по словам его мамы, он всем пошел в него. И вот последнему я склонна верить, иначе бы не надеялась построить свое счастье с робким, интеллигентным парнем.

Жора Либерман был худым и высоким. В неполные тридцать лет на его макушке уже наметилась лысина, зато тощая грудь заросла темной порослью просто дико! Далеко не красавец, но чуткий и внимательный врач, а в жизни — тихий и скромный парень. Хороший человек, по большому счету. А по счету его мамы — так просто замечательный! Слишком интеллигентный и воспитанный мальчик, чтобы связаться с такой девушкой, как я. Которая меняет цвет волос, как перчатки, работает, не краснея, на мужчину нетрадиционной ориентации и ко всему прочему не умеет готовить мацу.

В мои двадцать, а в его двадцать пять Георгий оказался не похож на моих разбитных ухажеров, и когда однажды вызвался проводить меня домой, я очень удивилась, но предложение приняла.

Я попала к нему на врачебный прием случайно — с жутким флюсом и поднявшейся к вечеру температурой. В тот день я работала в салоне до последнего клиента, щеку к этому времени здорово разнесло, и Гера оказался первым, кто согласился меня принять. А потом проводил. Я тогда еще подумала, что он это из сочувствия и жалости вызвался. Что ему, возможно, просто по пути. В ту зиму стояли холодные дни, и у парня, шагающего рядом, отчаянно мерз нос.

Это Жорик уже потом признался, что он тогда жутко волновался и смущался. Что ему первый раз в жизни так сильно понравилась девушка, и он решил на знак внимания. Что дома его ждала властная мать, и ему пришлось сочинить для нее целую историю, почему же он опоздал к ужину.

Тем вечером мы проговорили допоздна и расстались, но ничего не закончилось. Через несколько дней я вновь пришла в стоматологическую клинику, и Жора вновь меня проводил. Было холодно, у него снова мерз нос, но зато наши руки горели. Меня тогда поразило, как трогательно и нежно он держал в ладони мои пальцы, как тактично говорил, как смотрел по-воловьи карими глазами, словно в этом мире я для него оказалась единственной.

И ему снова пришлось сочинить для мамы историю, почему он опять опоздал к ужину.

Жора сочинял три года. Выкручивался, как мог. Я познакомила его с родителями через две недели с момента нашего знакомства, а вот он не спешил вводить меня в свою семью или приглашать в гости. Прошло два месяца — и снова не спешил. И на следующий раз опять не пригласил. Он мямлил, сбивался и вздыхал. Краснел и отнекивался. Потом признался, что все очень серьезно. Что у его мамы большое сердце, печень, нервы и селезенка. Что она — одинокая слабая женщина, всецело посвятившая жизнь сыну. Что она

настолько его любит и не привыкла ни с кем делить, что просто не перенесет, если узнает о появившейся в его жизни девушке.

Неожиданно, правда? Вот и я не хотела верить. В моей семье никогда не возникало подобных проблем. Я уважала мнение своих близких, а они всегда считались с моим. Я привыкла к тому, что делиться радостью с родными — это нормально! А тут... Мне оставалось только удивляться странностям чужой матери, настолько ревностно опекающей взрослого сына, что ему приходилось придумывать себе рабочие смены, лишь бы вырваться ко мне на свидание.

Что уж говорить о том, чтобы провести вместе ночь.

Это было обидно, но я привязалась к Жорику. Он клялся, что любит, просил понять, подождать... и я соглашалась.

Однако любые секреты имеют свой срок, вот и наш однажды подошел к концу.

Кто-то нас видел вместе, кто-то рассказал обо мне Крокодиловне... Мы были с ней разными людьми и не могли сойтись характерами и, конечно же, не сошлись, однажды столкнувшись, как две волны. И к изумлению последней, я оказалась крепким орешком и не дала себя в обиду.

А дальше...

А дальше много чего было, все-таки пять лет прошло. Мы с Жориком ссорились и мирились. Он уходил от мамы ко мне, уходил от меня к маме, но всегда вновь возвращался с пылкими признаниями и новыми уговорами.

Были моменты, когда у нас получалось. Когда Жора твердо говорил матери, что любит меня и хочет жить своей жизнью. Решительно собрав вещи, переезжал ко мне с чемоданом... Но проходило три дня, и все начиналось вновь — звонки, слезы и обвинения.

Я прозвала Изольду Моисеевну Слезой Крокодиловой за то, что она выбрала самый подлый способ давления на сына. Вместо того чтобы радоваться его счастью, предпочла эгоистично играть на сыновьих чувствах и совести, заставляя его метаться между нами.

Чем крепче Жорик привязывался ко мне, чем решительнее рвался на волю, тем мучительнее она умирала. С ней случался десятый инфаркт, ее разбивал паралич, мучили кошмары, давление, икота и понос. Ее спасали бригады скорой помощи... Но стоило только устыдившемуся в собственной черствости Жоррику вернуться в материнские объятия, как здоровье чудесным образом к Крокодиловне возвращалось.

Я поставила точку первой. Мне просто надоело.

Мне хотелось семью, детей и мужа в неограниченное пользование. Нормальных, здоровых отношений с родителями. Спокойных вечеров у телевизора и общих планов на будущее. Я ведь плюшка домашняя, мне нужны уют и тепло — не так-то и много на самом деле!

В какой-то момент я устала слышать, что снова не время. Что надо еще подождать. Совсем немного, может быть, год или два...

Так больше не могло продолжаться. Да пусть Крокодиловна сто лет живет! Но уже без меня.

Думаю, что в последнее наше расставание Жорик и сам все понял. Наверное, поэтому, когда позвонила Крокодиловна и намекнула, что у сына другая, — стало скорее горько, чем больно. Я ведь знала, что не мог Жорик так поступить по внезапной любви. Что если и решился на отношения, то только чтобы меня отпустить.

Решение пришло спонтанно, как и все, что приходит в мою голову. Я просто не умею жить мыслями и сомнениями. Оказавшись перед закрытой дверью, мне надо либо ее открыть и войти, либо пройти мимо и забыть. Не жалеть и не сомневаться, уж такова я. И самая главная часть меня вдруг решила круто изменить свою

жизнь. Да, начать все заново, ну и пусть! Но дать себе шанс перевернуть страницу и идти дальше.

В эти морозные предновогодние ночи звезды светили, словно сказочные — сияли на черном небосклоне яркими, крупными искрами. Разговор с Крокодиловой вышел коротким, на душе стало горько, и все же новость меня придушила. Я вышла на балкон то ли всплакнуть о своей неудавшейся любви, а то ли подышать свежим воздухом, но, распахнув окно, вдруг застыла, ошеломленная тихой красотой ночного неба.

Вы видели когда-нибудь падающую звезду? Вот и я нет. А тут смотрю и глазам не верю. Только что висела... и вдруг бац! Летит звездочка! Сорвалась и понеслась косым росчерком к горизонту — смелая и яркая, как огонек!

Я даже рот распахнула от такой неожиданности. Высунулась в окно и давай глазеть. А потом меня недогадливую словно кто-то по затылку стукнул. Желание, Плюшка, загадай! Проворонишь ведь счастье!

Ну, я и загадала. Долго мне, что ли? Полюбить так, чтобы до вот таких же звезд в глазах! А потом опомнилась. Это что же получается — я-то полюблю, а меня кто?

Ну, нет. На такое я не согласна. Хочу, чтобы и меня полюбили! И чтобы любовь у нас случилась — яркая, сильная и настоящая! Сумасшедшая! И чтобы никаких подводных крокодилов!

А еще... чтобы сразу дом и дети. И мужик с характером, но при этом добрый и в меру симпатичный. Хотя-я-я, лучше все же посимпатичнее! Вот хочу, и все, моя ведь звезда! Нет, ну а что? Если мечтать, так о принце! Если уж черпать счастье, так ведром! Я же, в конце концов, не денег прошу, так чего мелочиться?

Звездочка сверкнула... и пропала. А я вздохнула. Ну и дура ты, Наташка.

Тебе двадцать пять лет, а ты все так же, как в детстве, веришь в сказки.